

Роман Пархоменко

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ» КАССИРЕРА

Концепция мифа, применительно к политической философии, наиболее полно развивалась Кассирером в его последней монографии *The Myth of the State* («Миф о государстве») [2], которая была написана на английском языке и опубликована в США лишь после смерти автора в 1946 г. (первый перевод книги на немецкий язык был осуществлен в 1949 г.). Данная работа многими исследователями причисляется к важнейшим произведениям немецкого неокантианца и рассматривается как своего рода «политическое завещание» философа, лично пострадавшего во времена нацистской диктатуры в Германии [4; 6; 7; 8].

В «Мифе о государстве», в отличие от «Философии символических форм» [1], мыслитель в известной мере распространяет проблематику патологии символа на социальное целое. По его мнению, при глубоких кризисах в обществе обедняется человеческая способность к символической интерпретации, из-за чего негативная энергия мифа выдвигается на первый план и создает угрозу для рационального мышления и адекватного постижения и интерпретации действительности. Миф, чьи силы в благоприятные времена связаны и локализованы в религии и искусстве, получает возможность развернуться в действительности [2, s. 364].

Еще одним фактором, способствующим распространению мифологического сознания в обществе, по мысли Кассирера, является высокий уровень развития техники и средств массовой информации [5; 6; 7]. Для наиболее эффективного распространения мифов и тоталитарных идей в обществе, по Кассиреру, должны быть выполнены, по меньшей мере, два условия:

1. Речь должна идти об обществах, в жизненном мире которых доминирует техника. Техника как символическая форма [3, s. 39–91] образует самостоятельную и автономную форму (или область, сферу человеческой культуры). Она, к примеру, вытесняет ремесло, которое еще в большой степени основывается на совместной работе людей. Современная техника имеет в своей основе тенденцию изменять модус человеческого опыта. Благодаря этому пространство меняет свое «качество», так как оно всегда и везде становится легко измеримым. Время лишается своей «трехразмерности»: оно «сжимается» до выборочных точек зрения, становится «моментами», которые любой человек может соединить друг с другом.

2. Политические мифы современности с помощью техники «фабрикуются» и распространяются. Они уже не являются стихийным результатом свободной способности воображения, но они стратегически

«просчитаны» и внедрены в массовом порядке для того, чтобы аффективно сплотить и организовать социально разобщенный коллектив.

Поскольку одной из главных тем «Мифа о государстве» является вопрос о корнях европейского фашизма, то Кассирер формулирует для себя следующую задачу: он пытается выяснить, как тоталитаризм смог вырасти до масштабов фашизма. Чтобы прояснить суть дела, он вновь обращается к вопросу о том, что такое миф. С этой целью им последовательно рассматриваются структуры мифического мышления, соотношение мифа и языка, мифа и учения психологии об аффектах, а также функция мифа в социальной жизни людей [2, s. 7–70]. По сути дела Кассирер резюмирует свои предшествующие исследования о мифе и приходит к выводу, что мифический мир опыта характеризуют определенные когнитивные структуры, такие, как полисемия, разнообразные формы симпатии, метафоричность; причем весь мифический мир опыта, – что также немаловажно, – строится чисто аффективно. Мифы имеют, таким образом, как бы «космическое» измерение – они повествуют о «первоначале» всего бытия. Но мифы, по Кассиреру, это, прежде всего, не когнитивные и спекулятивные оценки мира, – они «произрастают» из практической деятельности человека. «Проникнуть» в структуру мифа означает рассмотреть его как некий феномен ритуального действия: «Миф является *эпическим* (курсив везде мой – Р. П.) элементом примитивной религиозной жизни; обряд есть *драматический* элемент. Мы должны начинать с изучения последнего, для того, чтобы понять первое» [2, s. 41].

Кассирер здесь обращается к работам известного этнолога и социального антрополога Бронислава Малиновского. Малиновский исследовал рациональное и эмпирическое регулирование повседневной жизни «естественных народов» и пришел к выводу, что мифы и соответствующие им ритуальные практики в кризисные времена, во времена «перелома», перехода общества из одного цикла жизни к другому циклу выполняют очень важную регулирующую функцию. Мифы являются своего рода гарантом того, что данное общество во время коренных перемен не будет полностью разрушено. Кассирер применяет это открытие функционалисткой этнологии для анализа современного общества. Неокантианец пишет о том, что в периоды социальных и экономических кризисов миф дает человеку возможность безоговорочной идентификации с коллективом. В условиях целостности современного общества любые другие способы «цементирования» социума являются неудовлетворительными. Для доказательства этого тезиса Кассирер обращается к истории мифа в философии политики, начиная от Платона и заканчивая Гегелем [2, s. 70–360].

Рассматривая роль и функцию мифа в философии политики, Кассирер констатирует тот факт, что «мифологизация» сознания, начавшаяся еще в античности и средние века, приобрела в XIX–XX вв. новые черты и сделала возможным появление идеологий тоталитарного толка. Эта «ремифологизация» политики (свойственная не только романтикам, Карлейлю и Гобино, но и Гегелю) создала предпосылку для того, чтобы люди после первой мировой войны стали чрезвычайно восприимчивы к политическим мифам.

Кассирер пишет: «Если попытаться рассмотреть по элементам, что представляют собой современные политические мифы, то окажется, что они не содержат ничего в полной мере нового. Все детали их давно известны. Теория «поклонения Герою» Карлейля и тезис Гобино о фундаментальном моральном и интеллектуальном различии рас обсуждались многократно. Но эти дискуссии оставались чисто академическими, и для того, чтобы превратить старые идеи в мощное политическое оружие, необходимо было что-то еще. Их нужно было приспособить к современной аудитории, создать новый инструмент не только для мысли, но и для действия, разработать технику манипулирования идеями. Говоря научным языком, эта техника должна действовать как катализатор – ускорить все реакции и способствовать их доведению до конца. Хотя почва для мифа XX века была подготовлена давным-давно, она не могла бы принести плодов без умелого использования новых инструментов» [2, s. 360].

Именно в период после первой мировой войны были созданы все необходимые условия, способствующие развитию этой техники и ее полной и окончательной победе, говорит неокантианец. Война не привела к решению социальных проблем даже в странах-победительницах и со всех сторон появлялись новые трудности. Но если в Англии, Франции и Северной Америке наличествовала возможность для их разрешения в рамках действующего законодательства, то в Германии ситуация выглядела иначе. Во времена инфляции и безработицы вся германская социальная и экономическая система оказалась на пороге краха, все «мирные» ресурсы были исчерпаны, и именно эта ситуация стала самой подходящей почвой для прорастания и бурного расцвета политических мифов, приведших в конечном счете к фашистской диктатуре.

Кассирер отмечает, что в мирное, спокойное время, в периоды стабильности и безопасности рациональная организация общества поддерживается и функционирует автоматически. Однако в политике никогда не бывает абсолютного статического равновесия, а всегда только *динамическое*. В критические моменты человеческой жизни рациональные силы, препятствующие выходу на поверхность старых мифических концепций, оказываются сильно ослабленными, поскольку

в это время необходимы некие быстрые «волшебные» решения труднорешаемых проблем. Философ настаивает на том, что в действительности мифы не могут быть полностью удалены из общественного сознания, они могут быть лишь подавлены и подчинены, чтобы в «час X» занять господствующее положение в умах и настроения масс.

Для насаждения тоталитарной идеологии деформации подверглось не только рациональное мышление, но и сам язык. Как в СССР, так и в нацистской Германии, были отштампованы новые слова, в то время как старые получили совершенно новые значения. Изменение их первоначального смысла произошло потому, что слова, которые ранее употреблялись в логическом, описательном или семантическом смысле, начинают использоваться как магические и должны производить соответствующий эффект и возбуждать определенные эмоции [5; 8; 9]. Кассирер подчеркивает, что, если обычные слова имеют рационалистический базис, то созданный из соображений тоталитарной идеологии «новояз» имеет в своей основе только чувство и эмоции.

Однако манипулирование новыми словами представляет собой только одну сторону условия достижения господства в тоталитарных обществах. Чтобы подобный «новояз» имел максимальный эффект, ему должны сопутствовать специальные ритуалы, в чем и преуспели, в частности, фашистские лидеры в Германии. «Каждое политическое действие имеет свой ритуал. И поскольку в тоталитарном государстве не существует никакой личной, приватной сферы, свободной от вторжения политики, всю человеческую жизнь вдруг захлестывает волна новых ритуалов. Они так же регулярны, упорядочены и неизбежны, как ритуалы, которые мы наблюдаем в примитивных общинах. Каждый класс, каждый пол, каждый возраст имеет свои ритуальные правила. Никто не может пройти без этого по улице, поздороваться с приятелем или соседом. И точно так же, как и в примитивных общинах, пренебрежение каким-либо из предписанных ритуалов влечет за собой страдание и смерть. Даже малым детям это не сходит с рук как нечаянный грех, а засчитывается как преступление против богоподобного вождя и тоталитарного государства» [2, s. 371].

Ритуальные действия выполняют определенную функцию – они обладают свойством ослаблять активную жизненную позицию человека. В результате четко регламентированной и заданной модели поведения снижается способность индивида к самостоятельным суждениям и рефлексии, человек как бы «обезличивается», становится «колесиком и винтиком» глобальной государственной машины. Кассирер напоминает известный науке факт, что в первобытных обществах не было такого явления, как «индивидуализм». В те времена за любые действия и поступки существовала лишь коллективная ответственность, то есть не

индивидуум, а группа являлись тогда подлинным «моральным субъектом». Клан, семья, племя ответственны за действия всех своих членов, и если совершено преступление, то конкретного виновника проступка даже и не пытаются найти и наказать. Подобно некоей «проказе» преступление распространяется на все сообщество, причем никто из этой группы не имеет возможности избежать ответственности. Как известно, принцип «кровной мести» в определенных сообществах сохранился и до наших дней – в качестве примера можно привести итальянскую вендетту.

В прежние времена методы принуждения и подавления очень часто использовались в политике, однако в отличие от современных политических мифов они в большинстве случаев имели материальную основу: даже самые страшные деспотические системы довольствовались лишь тем, что они заставляли людей выполнять свои определенные цели. При этом то, что происходило «внутри» человека, его чувства, мысли, суждения были им безразличны, карались лишь открытый бунт и неповиновение.

Современные политические мифы, подчеркивает философ, действуют совершенно иначе: они не довольствуются примитивным запретом на какие-либо действия, они стараются воздействовать гораздо глубже на психику и мировоззрение людей. Апологеты «политической мифологии» предпринимают всевозможные ухищрения для того, чтобы *изменить менталитет людей*, что позволяет в будущем легко управлять их поведением. «Политические мифы можно сравнить с удавом, который парализует животное, прежде чем его проглотить. Люди сдаются без серьезного сопротивления, они подавлены и подчинены раньше, чем успевают осознать, что происходит» [2, s. 374].

Именно это является важнейшей чертой современного политического мифотворчества, поскольку обычные методы политического подавления не способны дать подобные результаты. Даже в условиях грубого физического подчинения человек продолжает жить своей собственной жизнью, у него остается сфера личных интересов и свободы, способная оказывать сопротивление давлению извне. Современные политические мифы разрушают у человека автономию воли и способность к независимому мышлению. Так становится понятным отсутствие политической оппозиции в тоталитарном обществе и полная нетерпимость власть предержащих к любому инакомыслию, которое ставит под угрозу существование системы.

Обращаясь к проблеме свободы в условиях тоталитарного общества, Кассирер отмечает, что свобода не является естественной принадлежностью человека: чтобы ею обладать, необходимо прежде создать ее. Если мы будем просто следовать природным инстинктам, то

мы никогда не почувствуем необходимость свободы, мы скорее выберем рабство. Гораздо легче положиться на других, чем самому думать, судить, принимать решения. Это обстоятельство и является причиной того, что и в личной, и в политической жизни к свободе относятся порой как к бремени, чем как к привилегии. В трудных условиях человек стремится сбросить с себя это бремя – и здесь вступают в действие тоталитарное государство и политические мифы. Новые политические партии обещают избавление от дилеммы «свобода или несвобода», они подавляют и уничтожают сам смысл свободы, но зато освобождают человека от любой личной ответственности.

Все это выводит нас на новый виток рассмотрения проблемы, считает философ. Политических лидеров тоталитарного общества можно в определенной степени сравнить с шаманами первобытного общества. Шаман являлся не только абсолютным властителем и избавителем общины от социального зла, но он выполнял еще одну важную функцию – передавал людям волю богов, предсказывал будущее. Предсказатель занимал свое четкое место в примитивной общественной жизни, был неотъемлемой частью любой властной и военной структуры. И именно в этом пункте коренится причина возврата современного общества к формам, которые, казалось бы, были совершенно забыты. Разумеется, сегодня произошли колоссальные изменения в работе и методах современных «оракулов». Политические проходимцы разработали гораздо более тонкий и сложный метод предвидения, метод, претендующий на философскую глубину и на научность. В ход идет все: компьютерные технологии, социологические опросы, новейшие данные психологии. Но если даже методы «предсказания» изменились коренным образом, то суть дела осталась той же, полагает Кассирер.

«Наши политики очень хорошо знают, что большие массы людей гораздо легче привести в действие с помощью силы воображения, чем применяя грубую физическую силу, и прекрасно пользуются этим знанием. Политики стали чем-то вроде предсказателей судьбы, пророчество превратилось в существенный элемент новой техники управления. Они обещают самые невероятные и даже совершенно невозможные вещи, снова и снова сулят людям «золотой век»» [2, s. 377].

В конце своей книги «Миф о государстве» Кассирер задается вопросом об ответственности философии за духовную ситуацию в современном мире. Именно философия, по его мнению, должна привести человека к лучшему пониманию природы окружающих его вещей, своего места и назначения в обществе и природе, наконец, собственной «сущности» человека. К примеру, Бэкон видел цель человека в овладении природой, но овладение это, подчеркивает Кассирер, нельзя понимать как ее подчинение власти человека, порабощение. Чтобы управлять

природой, необходимо ее уважать, подчиняться ее основным законам. Человек сначала должен освободиться от заблуждений и иллюзий, ограниченности своего восприятия и фантазий. В первой книге своего «Нового Органона» Бэкон попытался систематизировать эти иллюзии. Он описывал различные виды идолов: идолы племени, идолы пещеры, идолы площади, или рынка, идолы театра, или теорий – и предлагал методы борьбы с ними, пути, которые приведут к истинной эмпирической науке.

Но, по мысли Кассирера, в политике мы таких путей еще не знаем. Из всех человеческих идолов политические идолы наиболее опасны и живучи. Как попытался показать Кассирер, все великие мыслители, начиная с Платона, прилагали огромные усилия для разработки рациональной теории политики. В XIX веке появилась уверенность, что верный путь наконец-то найден: в 1830 г. Конт публикует первый том «Курса позитивной философии», это был первый шаг на пути создания новой социальной науки, основанной на тех же индуктивных и дедуктивных методах мышления, которые были проанализированы Контом в физике и химии. Однако внезапный расцвет политических мифов в XX веке показал, что надежды Конта и его последователей были преждевременны.

Кассирер спрашивает: что может сделать философия, чтобы помочь в борьбе с политическими мифами? Мы видим, что современные философы давно уже отказались от мысли влиять на течение политических и социальных событий. Гегель верил в самую высокую ценность и предназначение философии, хотя он и сказал, что философия всегда является слишком поздно для того, чтобы переделать мир, и глупо рассчитывать на то, что какая-либо теория может обогнать свое время.

Разумеется, философия «не в силах разрушить политические мифы. Мифы в некотором роде непобедимы: их не опровергнешь разумными аргументами и не побьешь силлогизмами. Философия может сослужить другую службу: она помогает понять врага, дабы затем разбить его. Понять не только его дефекты и слабые места, но и в чем его сила, которую все мы склонны преуменьшать. Когда впервые сталкиваешься с политическим мифом, он кажется столь абсурдным и неуместным, столь фантастическим и отвратительным, что трудно заставить себя принимать его всерьез. Но теперь стало ясно, какая это огромная ошибка, и не стоит допускать ее в другой раз. Необходимо тщательно изучать истоки, структуру и технику политических мифов, чтобы видеть лицо врага, которого мы надеемся одолеть» [2, s. 388].

Итак, характеризуя сущность современных политических мифов, немецкий неокантианец выделяет в них четыре следующих основных особенности:

1. Язык как одна из важнейших форм символического универсума человеческой культуры выполняет две главные функции:

- представление и описание вещей (рациональное мышление);
- средство эмоционального и аффективного выражения. Творцы современных политических мифов односторонне используют лишь эту эмоциональную функцию языка. Они говорят на языке аффектов и манипулируют этим, из-за чего возможности рационального анализа, которые имманентно присущи языку, блокируются и ослабляются.

2. Мифы являются не только рассказами о первоначале и драме мира. В гораздо большей степени функция мифа проявляется в фундировании и оформлении ритуальных действий. Ритуализация повседневной жизни и была главной особенностью нацистской Германии: от правил приветствий до бесконечного числа присяг, от коллективных маршей до ритуализации и регламентации любых жизненных ситуаций – всегда и везде использовались ритуальные формы мифического мышления. Ритуализация жизни посредством современных политических мифов имеет своей целью аффективно связать и подчинить любой коллектив людей, – будь то целая нация, «рейх» или определенный этнос. При этом главное в тоталитарном государстве – не эмоциональное усиление отдельных индивидов, а, наоборот, их безоговорочное существование как части коллектива.

3. Действительность политических мифов основывается на признании «высшей ценности». Понятие «высшей ценности», по мнению Кассирера, имеет в своей основе давнее мифическое разделение на «сакральное» и «профанное». Такой высшей ценностью может быть раса, нация или этнически определенный народ. В любом случае речь идет о ценности, которая не может быть определена с помощью рациональных аргументов, а покоится на амбивалентных чувствах, аффективных настроениях общества.

4. Политические мифы современности осуществляют фаталистическую трактовку истории: подчеркивается исключительность и судьбоносность данного момента времени.

Идеи Кассирера об «эволюции» понятия мифа и роли мифа в построении государств тоталитарного типа позволяют нам лучше разобраться в современной политической и духовной ситуации. Сегодня, когда борьба за мировое господство ведется уже не двумя сверхдержавами, расстановка сил в мире становится все более запутанной и нестабильной. Столкновение *множества* различных интересов и культур определяют отныне духовный климат в мире. Поэтому размышления немецкого неокантианца об опасностях, подстерегающих культуру, и о значении рационализма в борьбе против иррациональных мифических представлений, делают его концепцию «политической мифологии» и в

настоящее время актуальной.

1. Кассирер Е. Философия символических форм: В 3 тт.– М.; СПб.: Университетская книга, 2002.– Т. 1.– 272 с.; Т. 2.– 280 с.; Т. 3.– 398 с.
2. Cassirer E. Der Mythos des Staates. Frankfurt a. M., 1994.
3. Cassirer E. Form und Technik (1930), in: Cassirer E. Symbol, Technik, Sprache. Hamburg, 1995.
4. Ferrari M. 1999: Zur politischen Philosophie im Frühwerk Ernst Cassirers, in: Rudolph 1999.
5. Lipton D. Ernst Cassirer. The Dilemma of a Liberal Intellectual in Germany 1914-1933, Toronto/Buffalo/London, 1978.
6. Lüddecke D. Staat – Mythos – Politik. Überlegungen zum politischen Denken bei Ernst Cassirer. Würzburg, 2003.
7. Paetzold H. Ernst Cassirer. Von Marburg nach New York. Eine Philosophische Biographie. Darmstadt, 1995.
8. Rudolph E. (Hg.) Cassirers Weg zur Philosophie der Politik. Hamburg 1999.
9. Parkhomenko R. Cassirers politische Philosophie: Zwischen allgemeiner Kulturtheorie und Totalitarismus-Debatten. Karlsruhe, 2007.